

К. Л. Фоменок

СЕМАНТИКА “НЕРЕАЛЬНОГО”
В НОВЕЛЛЕ ГИ ДЕ МОПАССАНА “LE HORLA”

Ги де Мопассан раскрывает семантику “нереального” через семантику незримого вследствие нарушения восприятия видимого. Персонаж ощущает присутствие тайной сущности, его сознание неспособно осмысливать происходящее.

Орла – невидимая сущность, ее природа нематериальна, персонаж не воспринимает ее чувствами (“*doué par conséquent d’une nature matérielle, bien qu’imperceptible pour nos sens*”), что ставит под сомнение саму возможность познания этой сущности. При этом Орла взаимодействует с физическими объектами (сгибает невидимой рукой стебель розы (“*la tige d’une de ces roses se plier, comme si une main invisible l’eût tordue...*”), опустошает стакан воды (“*Elle était vide!*”), питается жидкостями подобно вампиру (“*qui se nourrit de lait et d’eau*”) и “пожирает” отражение героя в зеркале (“*le corps imperceptible avait dévoré mon reflet*”). Это неосязаемое и незримое существо поглощает идентичность героя Мопассана, последний создает этот образ как ирреальный, проникающий в привычную реальность.

Гиперреалистичные сны героя, в которых незримая сущность обретает осязаемые черты (“*Je sens bien que je suis couché et que je dors... je le sens et je le sais... et je sens aussi que quelqu’un s’approche de moi, me regarde, me palpe,*

monte sur mon lit, s'agenouille sur ma poitrine, me prend le cou entre ses mains et serre... serre... de toute sa force pour m'étrangler.”), стирают грань между сновидением и явью, что придает содержанию мистический подтекст.

Зеркало, традиционно отражающее реальность, здесь разрушает её: герой не видит своего отражения (*“Je ne me vis pas dans ma glace!... Elle était vide, claire, profonde, pleine de lumière!”*), что символизирует распад самоидентичности и ставит под сомнение саму объективность реальности.

“Нереальное” проявляется через стирание границ между физическим и нематериальным: Орла действует в пограничной зоне, где его присутствие ощутимо (исчезающая вода - *“On avait bu toute l'eau!”*; перелистывающиеся страницы книги - *“une autre page se soulever...”*), но сам он невидим. Герой осознает ограниченность человеческого восприятия (*“Nous ne le pouvons sonder avec nos sens misérables...”*), что делает реальность зыбкой и недостоверной. Даже природные явления (*“Est-ce la forme des nuages, ou la couleur du jour, qui a troublé ma pensée?”*) приобретают мистический характер, ставя героя перед невозможностью разграничить реальное от ирреального.

Легенда о таинственных голосах в песках (*“on entend parler la nuit dans les sables...”*), неестественных криках, напоминающих бляние козлов (*“Les gens du pays, ceux du mont, prétendent qu'on entend bêler deux chèvres, l'une avec une voix forte, l'autre avec une voix faible.”*) и о таинственном пастухе с человеческими чертами, скрывающем лицо под плащом, и говорящими животными (*“un bouc à figure d'homme et une chèvre à figure de femme [...] parlant sans cesse dans une langue inconnue”*) создает контекст, где сверхъестественное становится частью повседневности. Объяснение скептиков, что это крики морских птиц, лишь подчеркивает атмосферу тревожной двусмысленности.

Научная статья о бразильской эпидемии, где людьми управляют **существа-вампиры** (*“des êtres invisibles bien que tangibles, des sortes de vampires”*), питающиеся их жизнью во время сна (*“qui se nourrissent de leur vie, pendant leur sommeil”*), и пьющие исключительно воду и молоко (*“qui boivent de l'eau et du lait sans paraître toucher à aucun autre aliment”*), становится для героя псевдорациональным обоснованием его кошмаров, усиливая его ужас (*“Le règne de l'homme est fini”*). Бразильский корабль около дома героя становится доказательством вторжения новой ступени эволюции, угрожающей поработить человечество (*“le Horla va faire de l'homme ce que nous avons fait du cheval et du bœuf”*)

Таким образом, описывая серию таинственных явлений, Мопассан мастерски создает семантику нереального, где граница между действительным и недоступным для объяснения окончательно стирается.